

УДК 343.122

**АКСИОЛОГИЯ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ
ПРЕСЛЕДОВАНИИ****В. В. Олейник**

Дальневосточный юридический институт МВД России,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
e-mail: vitalyaol15@gmail.com

Аннотация. Участие потерпевшего в уголовном преследовании является необходимым условием в современном уголовном процессе, что позволит эффективно использовать предоставляемые права для их реализации.

Ключевые слова: уголовное преследование, потерпевший, право, уголовный процесс.

Annotation. The participation of the victim in criminal prosecution is a necessary condition in the modern criminal process, which will allow the effective use of the rights granted for their implementation.

Keywords: Criminal prosecution, victim, law, criminal procedure.

Философско-ценностное осмысление является необходимым методологическим приемом научной деятельности. Право основывается на ценностях, которые, как и принципы, выступают своеобразными регуляторами общественных отношений. «Каждая правовая норма, которая не имеет чисто технического характера, служит воплощением, развитием, конкретизацией какой-то ценности» [1]. Следовательно, «правовая наука способна внести рациональность в регулирование сталкивающихся социальных интересов и, раскрывая идеалы и ценности, лежащие в основе правовой системы, разрабатывать критерии эффективности конкретных правовых решений и законодательных новелл» (Т. Майер-Малы) [2].

В связи с этим нельзя не согласиться с тем, что «аксиология уголовного процесса (сфера ценностного обоснования абстрактных и нормативных институтов уголовно-процессуального права) должна занять место одного из трех основных методологических комплексов уголовно-процессуальной науки — наряду с догматикой (сфера теоретического и логического построения отвлеченных уголовно-процессуальных институтов) и аналитикой уголовного процесса (сфера практического толкования и разъяснения институтов уголовно-процессуального законодательства)» [2]. Исследуя институт участия потерпевшего в уголовном преследовании, представляется необходимым выявить те ценности, которые лежат в его основе.

Как известно, в примитивных обществах посягательства на личность и собственность преследовались мстью пострадавшего или его родственников против обидчика (его семьи, рода). В основе «дикой» мести лежали не ценности,

а инстинкт; более поздней «кровной мести» — осознание необходимости взаимной защиты и поддержки членов рода [3], т. е. ценности общественные, коллективные. В обществе, регулируемом обычаями и традициями, месть, очевидно, воспринималась как обязанность, а не как право, поскольку в таких обществах «...правила, которые приписывают людям их место в социальном порядке и тем самым придают им идентичность, предписывают также, чем они обязаны и чем им обязаны, как с ними надо обращаться, если они нарушают эти правила, и как они должны обращаться с другими, когда те нарушают правила» [4].

С появлением первых источников права пропорциональные санкции дополняются финансовыми компенсациями («композициями»); наказание превращается из неконтролируемого возмездия в заслуженную кару; обязанность мстить преобразуется в право требовать возмещения вреда. Частная месть еще долгое время определяла содержание наказания, что обуславливалось отсутствием четкого разграничения между частным и публичным интересом, специальных органов уголовного преследования. Даже с появлением суда в качестве обвинителей изначально выступали исключительно частные лица (главным образом потерпевшие), которые предъявляли к обвиняемому «иск» [3].

Начиная с XI в. европейские государства начинают включаться в процесс разрешения общественных конфликтов. Это связано с различными факторами, среди которых усиление центральной власти, рост влияния церкви, развитие судебной системы и самой концепции наказания. Постепенно все большее число преступлений начинают рассматриваться как посягательства против государства и преследуются в судах. Штрафы, уплачиваемые государству, и другие формы наказания заменяют компенсации, выплачиваемые частным лицам.

С размежеванием гражданского и уголовного процесса понятие иска сменилось понятием «обвинение», государство взяло на себя «миссию частных лиц по выдвиганию и поддержанию в суде обвинения» [5].

Постепенно формируется доктрина, суть которой, как отмечает Д. Доак, состоит в том, что в целях обеспечения объективности, последовательности и, таким образом, общей легитимности уголовного процесса необходимо частные интересы жертвы преступления отодвинуть на второй план [6]. Так, Я. И. Баршев писал в 1841 г.: «Исключая самоуправство, закон правды, требующий непременно заслуженного наказания за преступление, естественно исключает всякое влияние частного начала на судебный процесс» [7].

«Обратной стороной такого развития событий стало, однако, то, что жертва преступления была вытеснена на “обочину” уголовного производства, участвуя в деле лишь как свидетель, с соответствующими обязательствами, и превратившись в объект “нападения” противной стороны» [8].

Лишь в XX в., благодаря исследованиям криминологов, появлению и раз-

вitiю общественных организаций, деятельность которых была направлена на противодействие преступности и содействие ее жертвам, государство обратило внимание на нужды жертв преступления.

К 1980-м гг. в мире произошло явное смещение фокуса с публичного интереса к индивидуальному конфликту преступника и жертвы.

Тем не менее высказываются сомнения в том, что активное участие потерпевшего в уголовном процессе является оправданным. Как отмечает К. Сафферлинг, уголовное судопроизводство объективно является публичным, а не частным делом. Очевидно, что если участие потерпевшего приведет к его «приватизации», тогда под угрозой окажется существующая структура уголовного судопроизводства. Придется не только пересмотреть его цели, но и сама основа и назначение его окажутся под вопросом [9]. С. А. Соловьев считает, что в результате постоянного расширения закрепленных законом прав потерпевшего происходит «... подмена публичного интереса в уголовном судопроизводстве частным интересом... самоустранение государства от реализации своих публичных функций, на смену которых приходит фактически древнеримский принцип талиона» [10].

Необходимость участия потерпевшего в уголовном преследовании часто объясняется наличием у него определенных личных интересов, нуждающихся в обеспечении. Признавая некоторые из них законными (и тем самым давая им положительную оценку), законодатель делает их основой соответствующих прав потерпевшего либо обеспечивает их иным образом.

Так, распространено мнение, что «... основой участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве является интерес данного лица, связанный прежде всего с возмещением ущерба, причиненного преступлением» [11].

Безусловно, такой интерес существует, но обосновать им участие потерпевшего именно в уголовном преследовании затруднительно, так как цели возмещения вреда служит, прежде всего, гражданский иск. Не может служить таким обоснованием и «интерес в восстановлении нарушенных прав потерпевшего», поскольку он фактически может быть реализован только путем возмещения вреда.

---

1. Максимов С. И. Ценностное измерение права: человеческое достоинство // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск, 2019. С. 141. [Вернуться к статье](#)

2. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М. : Юрлитинформ, 2013. 579 с. [Вернуться к статье](#)

3. Васильева Е. Г. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 81. [Вернуться к статье](#)

4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000. С. 171. [Вернуться к статье](#)
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с. [Вернуться к статье](#)
6. Doak J. Victims' Rights in Criminal Trials: Prospects for Participation // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32 (2). P. 306. [Вернуться к статье](#)
7. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 43. [Вернуться к статье](#)
8. Шредер Ф.-К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии. 5-е изд. М., 2016. С. 246. [Вернуться к статье](#)
9. Sufferling C. The Role of the Victim in the Criminal Process – A Paradigm Shift in National German and International Law? // International Criminal Law Review. 2011. Vol. 11 (2). P. 185–186. [Вернуться к статье](#)
10. Соловьев С. А. Механическое уравнивание прав потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого) как отрицательная тенденция в развитии отечественного уголовного процесса // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в. : материалы V междунар. науч.-практ. конф. 10–11 нояб. 2016 г. (г. Москва). М., 2017. С. 297. [Вернуться к статье](#)
11. Крайнова О. А. Участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве в России: доктрина, законодательная техника и правоприменение : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 157. [Вернуться к статье](#)